

Иллюстрация к сказке «Пёрышко Финиста Ясна Сокола».
Художник И. Билибин. Фрагмент. 1900.

УДК 122/129

Моторина Л.Е.

К вопросу о темпоральности в России¹

Моторина Любовь Евстафьевна, кандидат философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национально исследовательского университета)

E-mail: Lubov-motorina@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь вопроса о темпоральности в России и философии истории; выявляются два способа пребывания в истории, характерные для Запада и для России. Исследование данной актуальной и слабо разработанной в философском плане проблемы основано на анализе работ отечественных авторов (Н.А. Бердяева, О.Н. Новоселова) и зарубежных исследователей (А. Валицкий, М. Денн).

Ключевые слова: время, переживание времени, история, Россия и Запад, способ пребывания в истории.

Вопрос о темпоральности в России является одним из аспектов русской философии истории. Данный вопрос является едва ли не самым обсуждаемым в истории русской философии. Его называли болезненным вопросом, на него искали ответы самые яркие личности, представляющие русскую философию и культуру. Подчеркивая значимость вопроса о месте России во всемирной истории, Н. Бердяев в своей книге «Русская идея», показал, что *самобытная независимая русская мысль* была порождена именно проблемой *философии истории*. Так произошло потому, что образованные русские нуждались в разрешении проблемы направленности российской истории: Кто мы? Каково наше место в мировой истории? Что должно быть нами сделано?

Известный польский историк русской философии Анджей Валицкий в статье «Русская философия истории» тонко подметил, что есть что-то *парадоксальное* в том, что основоположником современной русской философии истории стал Петр Чаадаев, философ, в совершенстве изучивший западную философию своего времени и провозгласивший Россию страной «без истории»². Согласно Чаадаеву, у России нет истории. Он утверждал, что

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00029 «Философское россиеведение за рубежом во второй половине 20 – начале 21 вв.: школы, направления, центры».

² Walicki A. Russian philosophy of history. In: E. Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge. Retrieved August 05, 2003, p. 3 from URL: <http://www.rep.routledge.com/article/E081>

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), русский философ (по собственной оценке – «христианский философ») и публицист

Анджей Валицкий (Andrzej Walicki, род. 15 мая 1930), польский историк польской и русской философии

Олег Николаевич Новоселов (1939–2011), профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института

русская история была лишь совокупностью событий, не имеющих единого исторического смысла. Русские не имели направления и поддержки в прошлом, жили без установленных обычаев и правил совершения чего-либо, не знали ничего об идеях почитания, правосудия и порядка. «Западный силлогизм» – логическое и методическое мышление – было абсолютно незнакомо их недисциплинированным умам. Позднее Чаадаев отмечал, что его интерпретация российской истории была слишком грубой, и преобразовал свое положение об отсутствии истории у России в тезис о «недостатке истории». Причем в недостатке истории он видел своего рода преимущество: без бремени прошлого Россия не встретит никаких препятствий в познании европейского опыта и построении будущего на чисто рациональных основах¹.

По мнению А. Валицкого, в России существовало много других причин для такого *пристрастного* интереса к значимости истории. Она была средством для определения русской национальной идентичности; выражала глубокую необходимость модернизации, ведущую к осознанию контраста между российской политической властью и ее социальной неразвитостью. И, помимо всего прочего, возможно, интерес к истории стал результатом дезинтеграции русской духовной культуры, выступая в качестве замещения религиозного мировосприятия².

Можно предположить, что помимо указанных причин, существовала еще одна более глубокая, связанная со своеобразным способом пребывания России в истории, которое строилось в первую очередь не на рациональных началах в отношении ко времени, а на экзистенциальных: история как переживание личной, национальной и всечеловеческой судьбы. Думается, не случайно Анджей Валицкий назвал Россию в историческом смысле страной ретардной. Словарные значения слова «ретардный» (замедленный, отсроченный) при его переводе не русский язык передают полного контекстного смысла.

Ретардность в применении к истории России выражает своеобразный способ пребывания в истории, то есть как бы неполное и не своевременное проявление во внешних событиях, поддающихся рациональному исчислению, внутренних форм, которые руководят событиями и трансформируют историю в многозначный, полный единого смысла процесс. То, что время – это не только непрерывный поток внешних событий, но еще и внутреннее изменение исторических судеб людей и народов глубоко раскрыл О.Н. Новоселов³ в своей книге «Русская православная судьба». «Каждому народу, – писал он, – присуще свое глубоко сокровенное переживание времени... Россия – особая земля, где время направлено вспять – от реальности к символу. Россия идеализирует все, вторгавшиеся в ее пределы европейские течения. Реальность как бы вспоминает свое вдохновенное начало. С приходящего на русскую землю новшества сбрасывается одежда реальности, и оно показывает себя в исходной чистоте породившей его идеи. Далее – идея закрепляется в форме символа, но это уже совсем другой, не европейский символ, а символ понятный, близкий русской душе. При этом символ как бы сам становится реальностью. Перед нами снова идея, но уже не имеющая стремления к земному воплощению, идея в ее неопределенности и бесконечности. Освободившись от внешней драпировки, идея показывает свою жизненную силу в зависимости от своего нравственного предназначения. Можно сказать. Россия смыкает коготь предметной реальности с замысла пришедшей на ее землю идеи⁴.

Согласно О.Н. Новоселову, в сравнении со многими другими народами, русские – молодая нация. Сравнительно поздно приняв христианство, русские люди не спешили во всем догонять Европу. Заимствуя элементы других национальных культур, русский народ приводил взятые из-за границы новшества в гармонию со своим укладом и ритмом жизни. При этом последовательность временных элементов не имела большого значения, ибо истинная сущность времени заключена, по его мнению, не в последовательности, а в одновременности. Русское переживание времени ближе всего именно к такому ее восприятию. Поэтому, для европейца, наблюдающего русскую историю со стороны, темп жизни в России кажется замедленным. В качестве примера О.Н. Новоселов рассматривает временные точки отсчета наивысшего творческого взлета

Европы и России в основных видах духовной деятельности. В Европе они происходили **последовательно**: выс-

¹ Валицкий А. Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) // Философское образование. 1912. № 2 (26). С. 14–15.

² Там же.

³ Новоселов Олег Николаевич (1939–2011), доцент кафедры философии Вятского государственного педагогического университета, затем профессор Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Занимался исследованием русской религиозной философии как единой школы с позиции православного сознания.

⁴ Новоселов О.Н. Русская православная судьба. Религиозно-философское исследование. Киров. 1997. С. 10–11.

шие достижения религиозной философии – 13 век, живописи – 16 век, художественной литературы – 18 век, утверждение демократии и либерализма – начало 20 века. В России же эти явления происходят почти **одновременно**: 19 век – литература, 19 век – начало 20 века – философия, конец 20 века – демократия и либерализм¹.

Столкновение двух временных ритмов, по его мнению, вызвало не одну трагедию в нашей истории. Можно вспомнить драматические последствия ускорения темпа российской жизни в эпоху Петра 1. Более того, он утверждал, что причиной Первой мировой войны являются не те внешние события, которые называются историками. Фактически причины войны были порождены причинами более глубокими – духовными – столкновением двух типов переживания времени².

Разумеется, не все выводы автора бесспорны, но они помогают более глубоко осмыслить проблему своеобразия внутренних оснований истории России и истории Запада как двух различных способов пребывания в истории.

Проблему выявления различных оснований истории Запада и истории России как двух специфических способов темпоральности исследует специалист в области славистики, профессор Университета им. Мишеля Монтеня во Франции Мариз Денн в статье «Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева». Думается, персоналия выбрана ей не случайно, ибо для Н. Бердяева время – это была та проблема, которой он жил и болел, считая ее основной проблемой философии, особенно экзистенциальной. Бердяев был убежден, что рассуждать о времени можно только в его отношении с вечностью.

Пример Н. Бердяева, считает М. Денн, позволяет показать, как отправление мысли само по себе может определить способ темпоральности, присущий истории, в котором участвует мысль. В своем анализе проблемы М. Денн ссылается на М. Хайдеггера, который в фундаментальном труде «Бытие и время» показывает, как появляется, начиная с Нового времени, специфическое отношение к истории, основанное на идее. Разуму, по мнению Хайдеггера, самому по себе присуща способность к объединению в одно целое элементов внешнего мира и, следовательно, придавать им смысл. Именно эта передача в дар смысла является показательной для способа организации событий во времени. Она их «темпорализует»; она, исходя из этого факта, является составляющей «темпоральности»³. Далее М. Денн пытается обосновать тезис, что для человека существует несколько условий пребывания в мире и в истории. Для этого наряду с идеями Хайдеггера она обращается к работе Н. Бердяева «Смысл истории», в которой он писал: «Необходимо, чтобы не только объект был историческим, но и субъект был также таковым для того, чтобы тот, кто ведет научное исследование исторического знания, почувствовал бы в себе и открыл бы в себе то, что представляет собой историческое»⁴. При этом М. Денн подчеркивает, что как для Хайдеггера, так и для Бердяева именно субъект задает исторический способ развития, способ, согласно которому разворачивается темпоральность. Способ темпоральности, который был выявлен Хайдеггером, и который основан на определенной способности разума, М. Денн считает характерным для истории Запада. Но при этом она выделяет другой способ, основанный не только на объединяющей события мысли, но еще и на фиксации пережитого опыта. И в таком случае, по ее мнению, нельзя говорить о доказательстве, фиксации пережитого опыта есть лишь «свидетельство».

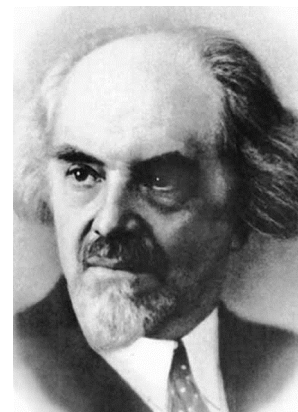
Отказаться от доказательств, по мнению М. Денн, чтобы прийти к описанию и посредством этого быть отосланным к внутреннему миру, к опыту, к исходной обращенности к самому себе – таковым является *феноменологическое обоснование*, которое позволяет говорить об особом способе темпоральности. Действительно, мы приступает здесь к глубинному движению, которое может мыслиться как скрытое в человеческой истории. С одной стороны, по мнению М. Денн, исходя из факта изначально прожитого опыта по причине свидетельств, присущих этому опыту, целостность мира становится проектированной, объективированной. Но с другой стороны, по причине неэффективности доказательств, из-за направленности инициального опыта эта целостность оказывается отброшенной, превзойденной, чтобы принять свидетельства опыта, который ее одновре-

Мариз Денн (Maryse Dennes), профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS)

Мартин Хайдеггер (Martin Heidegger, 1889–1976)

Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

¹ Там же. С. 47.

² Там же.

³ См.: Денн М. Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева // Социокультурные проблемы современного человека. Материалы IV Международной научно-практической конференции (19–24 апреля 2010г.). Новосибирск. 2010. С. 40.

⁴ Бердяев Н. Смысл истории // Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-Press, Париж. 1969. С. 30.

менно и отрицает и утверждает¹. Устанавливается движение «туда-сюда» между «доказательством» и «свидетельством» исходного опыта, который является экзистенциальным пространством между проектом и отклонением от целостности бытия. Собственно человеческое время не является в таком случае ни полностью открытым вечности, ни полностью поглощенным внешним миром².

Выделение такой формы темпоральности, основанной на колебании между двух различных способов сотнесенности с сущим через языковую деятельность («доказательство» и «свидетельство»), по мнению М. Денн, позволяет уловить глубинное движение истории России. М. Денн называет Н. Бердяева человеком, который всегда ощущал оригинальность истории России по отношению к истории Запада. М. Денн заключает, что он стремился уловить это различие, но не достиг выделения трансцендентальных структур. Русские философы, погруженные в экзистенциальную действительность своей культуры, описывали противоречия через событие, которое они переживали как фундаментальное, но делали это более по аналогии, чем логически. Они свидетельствовали своей мыслью о своем пребывании в истории³. Н. Бердяев писал, что он всегда находится в переживании вынужденного присутствия в мире объективности во всей ее полноте. М. Денн отмечает: «В качестве мыслителя Бердяев не столько анализировал, сколько экспериментировал над экзистенциальным обоснованием, которое он пытался описать, и это описание становилось, в свою очередь, источником опыта, которое отдаляло его от исходной ситуации. В действительности то, что он испытывал на уровне своего личного опыта через осознание, которое он пытался осуществлять, являлось только аналоговой репродукцией, условием признания мысли по аналогии, как фундаментальной, пригодной для понимания, что имеет основополагающее значение для понимания истории России»⁴. Мысль Бердяева, далее подчеркивает М. Денн, не трансцендентальна, она лишь выражает переживаемый опыт. Но та же мысль Бердяева, по ее мнению, иллюстрирует тот особый способ темпоральности, который представляет собой глубинное движение, управляющее историей России.

Приводимые доводы, с одной стороны, отечественного автора, а с другой стороны зарубежного исследователя, о различных формах переживания времени русским человеком и европейцем, также иллюстрируют это различие способов темпоральности. Если О.Н. Новоселов обращается к внутреннему опыту переживания времени, то есть «свидетельствует» о своеобразном переживании времени в России, то М. Денн ищет *феноменологическое обоснование* описания этой исходной обращенности к самому себе в переживании времени. Она полагает, что такое обоснование, исходящее из «свидетельства», а не из «доказательства» откроет путь к исследованию иного способа темпоральности, в отличие от того, который характерен для истории Запада.

Вопрос о темпоральности в России как особом способе пребывания в истории (или особом переживании времени) по отношению к западной цивилизации еще не достаточно осмыслен в философском плане. Вместе с тем он актуален, поскольку связан с осознанием и генерированием идей для разработки более адекватных стратегий и оценок тех реформ, которые сегодня проводятся в России. Можно согласиться с М. Денн, что эвристическая значимость предложенной ей схемы анализа способов темпоральности в истории России и в истории Запада имеет только рабочий характер как в области общей философии, так и в области философии истории (поиск специфичности истории России по отношению к истории Запада)⁵. Думается, что свое раскрытие вопрос о специфичности истории России может получить в более широком контексте – не только в плане ее сравнения с историей Запада, а в многообразии специфичности истории различных культур, каждая из которых имеет свой способ переживания времени, и вместе с тем сливающихся в единую мировую историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Смысл истории. - Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-Press, Париж. 1969.
Berdyayev N. (1969). Smyslistorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by. YMCA-Press, Parizh.
2. Валицкий А. Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) // Философское образование. 1912. № 2 (26).
Valitskii A. (1912). Petr Yakovlevich Chaadaev (1794-1856) // Filosofskoe obrazovanie. № 2 (26).
3. Денн М. Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева. //Социокультурные проблемы современного человека. Материалы IV Международной научно-практической конференции (19–24 апреля 2010 г.). Новосибирск. 2010.
Denn M. (2010). Temporal'nost' i eskhatologiya v Rossii na primere Nikolaya Berdyayeva . In: Sotsiokul'turnye problem sovremennogo cheloveka. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (19–24 aprelya 2010 g.). Novosibirsk.
4. Новоселов О.Н. Русская православная судьба. Религиозно-философское исследование. Киров. 1997.
Novoselov O.N. (1997). Russkaya pravoslavnaya sud'ba. Religiozno-filosofskoe issledovanie. Kirov.
5. Walicki A. Russian philosophy of history. In: E.Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. London: Routledge. Retrieved August 05, 2003. URL: <http://www.rep.routledge.com/article/E081>

¹ Денн М. Темпоральность и эсхатология в России... С. 41.

² Там же. С. 42

³ Там же. С. 44

⁴ Там же.

⁵ См. Там же. С. 42.